

[This paper is to appear in the July 2007 issue of *Otechestvennaia Istoriiia*]

О. Хлевнюк*

**Региональная власть в СССР в переходный период.
Устойчивость и конфликты. 1953 – конец 1950-х гг.**

После смерти Сталина в несколько этапов была произведена массовая замена первых секретарей республиканских, краевых и областных партийных комитетов. По подсчетам Т. Ригби, за три года, от назначения Н.С. Хрущева секретарем ЦК в марте 1953 г. до XX съезда КПСС в феврале 1956 г. сменились 45 из 84 первых секретарей республиканских и областных партийных комитетов, находившихся в непосредственном подчинении ЦК КПСС. Эта кампания способствовала пополнению корпуса секретарей сторонниками Хрущева и была существенным фактором, обеспечившим его победу в борьбе за власть¹. Массовая ротация первых секретарей являлась вместе с тем одним из элементов трансформации региональных сетей в соответствии с новыми послесталинскими социально-политическими реалиями. Формировавшиеся новые структуры региональной власти, с одной стороны, служили орудием реализации многочисленных хрущевских инициатив. С другой стороны, они были источником нарастания противоречий между центром и регионами, которые сначала проявились в известном решении о разделении обкомов на промышленные и сельские, а затем в устранении Хрущева от власти.

В течение долгого времени изучение состояния региональной власти в СССР, в том числе в первый послесталинский период, было прерогативой западных историков и политологов. Региональные секретари интересовали их, прежде всего, как резерв для выдвижения высших советских руководителей, а также как клиентская база высших лидеров страны, боровшихся за власть. В связи с этим составлялись и анализировались

* Хлевнюк Олег Витальевич, доктор исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации.

Статья подготовлена в рамках проекта «Советские руководящие региональные сети. 1945–1970» (совместно с проф. И. Горлицким, Манчестерский университет) при поддержке UK Economic and Social Research Council (ESRC) (грант 000230880).

базы биографических данных о региональных и республиканских секретарях, отслеживались тенденции изменений в этом корпусе советских руководителей, изучались возможные патрон-клиентские связи на этом уровне и т.д.² Одновременно была зафиксирована важная роль института региональных руководителей в преодолении противоречий чрезмерной централизации в экономической сфере³.

В связи с изменением политической ситуации и открытием архивов проблемы региональной составляющей советской политико-управленческой системы все чаще становятся предметом исследования как западных, так и российских историков. Расширение источниковой базы позволяет не только углубить изучение традиционных аспектов темы, но и открывает новые направления. Более детальными становятся базы данных о корпусе региональных руководителей, что позволяет проследить новые тенденции его формирования и развития, а также реальности функционирования номенклатурной системы⁴. Сохраняется интерес к феноменам советской бюрократии и клиентелизма⁵. Внимание к этим вопросам определяет тот очевидный факт, что именно клиентарные связи, имеющие свои исторические предпосылки, являются основой формирования новых правящих слоев в государствах бывшего СССР в последние годы. Изучение структур власти в отдельных регионах позволяет подробно охарактеризовать оперативную деятельность областных секретарей – их методы работы, процедуру лоббирования местных интересов в центре и т.д.⁶ Важным источником новых знаний о неформальных сторонах деятельности региональных управленческих сетей являются биографические очерки и справочники о руководителях регионов⁷.

В данной статье рассматриваются некоторые тенденции внутреннего развития групп партийно-государственных чиновников (руководящих сетей), осуществлявших функции управления на областном (краевом) и (в меньшей мере) республиканском уровне. Хронологически статья охватывает период от смерти Сталина до конца 1950-х годов, период трансформации и приспособления региональных сетей к реалиям

относительной послесталинской демократизации и корректировки социально-политической системы. Основными источниками для статьи послужили фонды двух центральных архивов, хранящих документы КПСС – Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Российского архива новейшей истории (РГАНИ). Помимо материалов отделов партийных органов ЦК КПСС, осуществлявших непосредственный контроль за деятельностью региональных партийных комитетов, уникальную возможность для исследования проблемы предоставляет комплекс стенограмм и протоколов заседаний всех республиканских, областных и краевых комитетов партии, поступавших в порядке информации в ЦК КПСС, и отложившийся в РГАСПИ.

1. Старые и новые сети. Предварительные замечания.

Заметная ротация первых секретарей региональных партийных комитетов после смерти Сталина позволяет предположить, что характерные черты сетей переходного периода можно выявить путем сравнения сетей, формировавшихся вокруг старых и новых секретарей. Однако источники не выявляют существенную разницу между такими сетями. Не зависели от времени вступления в должность методы работы первых секретарей и, соответственно, принципы взаимоотношений в сетях. Этот факт вполне объясняется тем обстоятельством, что новые секретари на самом деле в большинстве были старыми секретарями, пересаженными из одной области в другую. Более значительная устойчивость, чем можно было ожидать, наблюдалась в составе региональных сетей. Приход нового секретаря не приводил к коренным кадровым перестановкам. Изучение состава областных партийных комитетов и их бюро позволяет говорить о действии принципа, который условно можно назвать «коренизацией кадров». Новый секретарь, даже если он назначался с целью «наведения порядка» в области, сохранял в своей основе старые кадры и из их же среды производил новые назначения. У такой кадровой политики

были свои причины. С одной стороны, Москва даже по техническим причинам не могла обеспечить ротацию региональных чиновников равную по интенсивности ротации первых секретарей. Более того, так называемое «перетаскивание хвостов» (т.е. переезд чиновников вслед за шефом на новое место службы) еще с довоенного времени считалось нарушением норм партийной этики. Определенные основания опасаться слишком значительной замены местных кадров «варягами» были и у самих первых секретарей. Массовая ротация могла вызвать недоразумения в отношениях первого секретаря не только с центром, но и с местными чиновниками, недовольными выдвижением чужаков. Самим выдвиженцам со стороны требовалось некоторое время для адаптации в новых условиях. Если же такая адаптация происходила не слишком успешно, то «варяги» оказывались источником напряжения в сетях. В результате первый секретарь не только не получал ожидаемую помощь, но сталкивался с угрозой нестабильности. Наконец, у самих чиновников не было серьезных оснований для того, чтобы, бросив насиженные места, переезжать вслед за прежним шефом в новое место. Такой интерес появлялся только в случаях резкого повышения по служебной лестнице или открытия новых карьерных перспектив в будущем. Большинство чиновников вполне комфортно чувствовали себя на прежних местах, плавно включаясь в команду очередного секретаря.

С учетом феномена «коренизации кадров» уточнения требует такое ключевое для рассматриваемой проблемы понятие, как патрон-клиентские отношения. Исследователи советских региональных сетей и кадровой политики традиционно исходили из того, что патрон-клиентские отношения являлись универсальным фактором выдвижения и перемещения руководящих работников в СССР. Исходя из такой трактовки, частая смена секретарей в соединении с явной устойчивостью сетей означала, что в течение своей карьеры региональные чиновники много раз меняли патронов, а секретари много раз меняли своих клиентов. Между тем документы позволяют предложить иную классификацию отношений в сетях: конфликтные отношения; отношения «начальник –

сотрудники»; отношения «патрон-клиенты». О конфликтных отношениях и их причинах подробнее будет сказано далее. Отношения «начальник – сотрудники» имели преимущественно формальный характер. Они основывались на своеобразной этике «служебной лояльности», предполагавшей, что и начальник, и его подчиненные должны были принимать во внимание взаимный номенклатурный статус. Иначе говоря, лояльность чиновника по отношению к секретарю диктовалась лишь тем фактом, что он был секретарем. В свою очередь, секретарь был обязан соблюдать права чиновника, определяемые его статусом. Благодаря этому, региональные чиновникам не приходилось устанавливать какие-либо особые неформальные отношения с каждым новым секретарем. Со своей стороны, и новым секретарям не нужно было проходить долгий и непростой путь приспособления сетей под себя. В значительной мере это происходило почти автоматически. Таким образом, отношения «начальник–сотрудники» позволяли сетям быстро адаптироваться к частой смене первых секретарей. Однако для секретарей было важно опираться не только на лояльных сотрудников, но и на клиентов. Отношения «патрон-клиент» имели более неформальный характер, чем отношения «начальник-сотрудник». Их регулятором была не просто «служебная лояльность», но более тесная персональная зависимость. При помощи клиентов секретарь мог решать более «деликатные» задачи, которые он не мог поручить простым сотрудникам.

2. Идеальные типы сетей.

Отсутствие заметной разницы между региональными сетями, руководимыми старыми и новыми секретарями, отмеченное выше, не означало, конечно, что между сетями вообще не было разницы. Как можно заключить из документов, все многообразие региональных сетей располагалось в условной шкале, заданной тремя типами. Один крайний тип составляли сети, формировавшиеся вокруг «секретаря-диктатора». Такие сети подавлялись секретарем и строились по принципу жесткой иерархии и единоначалия.

Второй крайний тип представляли сети, формировавшиеся вокруг «слабого секретаря». Они имели черты своеобразной региональной олигархии. Третий тип, располагавшийся в этой шкале посередине, составляли компромиссные сети. Они строились на основании соблюдения определенных формальных и неформальных «номенклатурных правил», учитывающих интересы основных групп региональных функционеров. Первого секретаря в таких сетях можно назвать (в отличие от «секретаря-диктатора» и «слабого секретаря») «сильным секретарем». Конечно, эти три типа сетей являются в значительной мере идеальными, не существовавшими в чистом виде. Однако реальные сети вполне можно классифицировать по принципу приближения к одному из этих идеальных типов.

«Секретарь-диктатор». Подавление сетей. Большинство первых секретарей в силу своего положения и административного опыта относились к типу жесткого единоначальника, который воспроизводил методы централизации, характерные для советской системы в целом. Это была основная предпосылка формирования сетей, подавляемых «секретарем-диктатором». Характерной чертой этого типа сетей было, прежде всего, абсолютное первенство секретаря в принятии решений. Жалобы на такую практику достаточно часто встречаются в документах: «Ни одного вопроса, даже мелкого, в крайком не решали единолично. Обязательно все начинают советоваться..., а затем идут к первому секретарю»⁸; «Тов. Егоров не прислушивается к советам других работников, свои суждения считает безапелляционными и единственно правильными»⁹; «Можно привести десятки примеров, когда за разрешением простейших вопросов надо идти к секретарю обкома партии»¹⁰. Единоличное принятие решений имело, по крайней мере, два последствия. С одной стороны, незначительным был уровень инициативы и самостоятельности чиновников, окружавших «секретаря-диктатора». С другой стороны, снижалась роль формальных институтов регионального руководства. Секретари, приближающиеся к диктаторскому типу, могли даже игнорировать эти институты, как это

делал, например, первый секретарь Смоленского обкома П.И. Доронин. В 1957-1958 гг. он присутствовал только на 16 из 62 заседаний бюро обкома¹¹.

При выдвижении кадров «секретарь-диктатор» нарушал неписанные принципы «номенклатурной очередности», например, переводил работника через ступень или несколько ступеней в должностной иерархии. Такие выдвижения вызывали недовольство в сетях и повышенную ревность к выдвиженцу. Однако они были эффективным способом формирования клиентуры. Примером такого метода выдвижения может служить секретарь пермского обкома по сельскому хозяйству Ю.Д. Малков. По воле первого секретаря обкома А.И. Струева Малков сделал стремительную карьеру, в течение короткого времени пройдя путь от районного работника до секретаря обкома. Это явное нарушение «номенклатурной очередности» было одной из причин негативного отношения к Малкову со стороны «партийного актива». На областной партийной конференции в январе 1956 г. Малков подвергся острой критике, мотивы которой достаточно откровенно сформулировал один из секретарей райкомов: «Тов. Малков – молодой работник, выросший до секретаря обкома. Надо, чтобы он пооперативней руководил и не допускал грубостей, окриков в руководстве. Он молодой, он должен это учесть. Он тоже был недавно равный нам»¹². Несмотря на поддержку Струева, во время выборов обкома Малков получил рекордное количество голосов против – 43 из 724 голосовавших¹³. Аналогичная ситуация наблюдалась в Красноярском крайкоме, где первый секретарь крайкома Н.Н. Органов всеми силами поддерживал своего выдвиженца, секретаря крайкома по сельскому хозяйству Т.В. Тюрикова. При выборах в состав крайкома в январе 1956 г. Тюриков, вступивший в конфликт с «активом», также получил рекордное количество голосов против (69 из 644 голосовавших)¹⁴. Несмотря на это, на пленуме нового крайкома Органов настоял на том, чтобы Тюрикова вновь избрали секретарем¹⁵. Понятно, что и Малков, и Тюриков, не имевшие никакой иной поддержки, кроме расположения первых секретарей, были всецело преданы своим патронам.

Важными каналами вербовки клиентов были выдвижение на руководящие посты ранее скомпрометированных работников, а также выдвижение работников со стороны. Причем характерным признаком сети, формировавшейся вокруг «секретаря-диктатора», было противопоставление клиентов и сотрудников. «Секретарь-диктатор» наделял своих клиентов более значительными формальными, а чаще неформальными полномочиями, действовал через них, часто игнорируя формальные структуры (бюро, аппарат обкома). В силу этого между клиентами «секретаря-диктатора» и членами сетей, не входившими в их число, возникали напряженные отношения, что объективно усиливало влияние секретаря, позволяло ему играть роль арбитра. Например, первый секретарь Новгородского обкома Т.И. Соколов, в сентябре 1956 г., вскоре после своего назначения, способствовал переводу на должность заведующего отделом партийных органов обкома работника ЦК КПСС И.М. Курова. Вероятно, Соколов, также работавший в аппарате ЦК, был знаком с Куровым еще по Москве. Как выяснилось позже, после ухода Соколова, Куров фактически был доверенным лицом Соколова, выполнявшим его деликатные поручения, прежде всего в решении кадровых вопросов. Для того чтобы привязать Курова к себе, Соколов обещал ему в перспективе пост второго секретаря обкома. Сам Куров, опираясь на Соколова, готовил почву для своего будущего выдвижения, в том числе при помощи различных интриг. Он сталкивал членов бюро между собой, вербовал своих сторонников среди местных функционеров. Через полгода после ухода Соколова из области (он был переведен на должность первого секретаря Псковского обкома), члены новгородского бюро, поддержанные новым секретарем обкома, избавились от Курова, припомнив ему все обиды. Куров был снят с должности заведующего отделом партийных органов, выведен из состава бюро обкома и отправлен «на низовую хозяйственную работу»¹⁶.

Используя лояльность клиентов, секретари-диктаторы достаточно легко отказывали им в покровительстве и даже перекладывали на них ответственность за провалы на том или ином участке работы, отводя удар от себя. Например, первый

секретарь пермского обкома Струев, упорно защищавший своего выдвиженца секретаря по сельскому хозяйству Малкова, в определенный момент без видимых колебаний пожертвовал им. Весной 1957 г., когда Бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло специальное постановление о плохом состоянии сельского хозяйства Пермской области, Струев, отводя критику от себя, на пленуме обкома в апреле 1957 г. провел решение об освобождении Малкова от должности как «не справившегося с работой»¹⁷.

Смещения с должностей и разносы широко практиковались всеми секретарями с диктаторскими наклонностями. Поэтому внешней чертой, характеризующей отношения в сетях такого рода, была грубость первых секретарей, жалобы на которую сохранились во многих источниках. Так, на Сталинградской областной партийной конференции в конце 1957 г. секретарь одного из райкомов партии следующим образом описывал методы руководства первого секретаря обкома И.К. Жегалина: «Когда т. Жегалин проводит совещания секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов, он часто пускает в ход выражения: «надо выгнать», «ты состарился», «ты не годен» и т.д... В июне сего года проводились кустовые совещания работников сельского хозяйства. Приехал к нам т. Жегалин, нагрубил, облил грязью всех руководящих работников, побыл два часа и уехал»¹⁸. Об аналогичной ситуации в Карело-Финской ССР сообщал в декабре 1954 г. заведующий сектором отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам: «Если секретари (райкомов – О.Х.) приезжают в ЦК, то они... предпочитают не обращаться к Егорову (первый секретарь ЦК компартии республики – О.Х.), так как от него кроме окриков и брани ничего больше не слышат»¹⁹.

Сталкиваясь с сопротивлением, «секретари-диктаторы» могли привлекать для подавления своих оппонентов органы КГБ. Например, по требованию рязанского секретаря А.Н. Ларионова местное управление КГБ выявляло авторов анонимных заявлений, идущих в Москву из области²⁰. Первый секретарь Кировского обкома А.П.

Пчеляков организовывал через КГБ слежку за своими сотрудниками, сбор компрометирующих материалов и прослушивание их телефонных разговоров²¹.

Важным источником власти «секретаря-диктатора» были его прочные связи в Москве. Такие связи помогали проводить выгодные для секретаря кадровые решения, добиваться дополнительных ресурсов для области, обеспечивали защиту в случае возникновения конфликтов с какими-либо контролирующими органами, центральными газетами и т.д. Эти связи в центре нередко использовались в интересах сетей, что еще больше усиливало власть «секретаря-диктатора» над своими сотрудниками.

Таким образом, идеальный тип сетей формировавшихся вокруг «секретаря-диктатора» может быть описан следующими параметрами:

- единоначалие и абсолютное подчинение сетей первому секретарю;
- широкое применение первым секретарем методов административного принуждения, заметная нелояльность первого секретаря к своим сотрудникам;
- манипулирование кадрами при помощи нарушений принципов «номенклатурной справедливости» - выдвижение вне очереди, поддержка руководителей, непопулярных у «партийного актива», противопоставление «варягов» и «коренных» работников.

При определенных условиях и на определенный срок такие сети, скрепляемые грубостью «секретаря-диктатора», могли оставаться устойчивыми. Вместе с тем внутри таких сетей накапливались многочисленные противоречия, угрожавшие их устойчивости и порождавшие конфликты.

«Слабый секретарь» - олигархическая сеть. Второй идеальный тип сетей можно охарактеризовать как региональную олигархию, формировавшуюся вокруг «слабого секретаря». Многие признаки этого типа сетей наблюдались, например, в практике функционирования сообщества чиновников в Краснодарском крае в период первого секретарства В.М. Суслова.

Слабость Сулова как первого секретаря во многом была результатом его предшествующей карьеры. В момент назначения первым секретарем Краснодарского крайкома в 1952 г. ему было 42 года. Выдвиженец террора, он вступил в партию в 1939 г. и в течение нескольких лет работал в Краснодаре сначала заведующим сельскохозяйственным отделом, затем вторым секретарем крайкома при первом секретаре крайкома Н.Г. Игнатове. Игнатов был изворотливым и жестким партийным функционером сталинской школы. Работа под его руководством вряд ли развивала в подчиненных, в частности, в Сулове, такие черты, как решительность и самостоятельность. Когда в октябре 1952 г. Игнатова выдвинули в Москву на высокую должность секретаря ЦК, он сумел оставить на своем месте лояльного Сулова. Сулов в результате попал в достаточно сложную ситуацию. Его непосредственными подчиненными стали те секретари крайкома, которые ранее, в период работы Сулова в должности заведующего отделом, были его начальниками. Несколько лет спустя Сулов так вспоминал об этом начальном периоде: «Первое время я вел себя, может быть, не как первый секретарь только потому, что не было опыта, да еще и потому, что, взявшись за этот руль, у меня были рядом те лица, у которых я был в подчинении»²². Однако, судя по всему, этот фактор действовал и в последующие годы. Сулов находился в сильной зависимости от членов бюро, тем более что по состоянию здоровья он нередко находился в длительных отпусках.

Некоторые осторожные заявления Сулова на пленуме крайкома в феврале 1957 г., когда решался вопрос о его снятии, позволяют понять, какие формы носила зависимость «слабого секретаря» от сетей. Сулов признавался, например, что вынужден был оставлять на своих постах заведомо плохих работников, поскольку их поддерживали другие члены бюро обкома. Очевидно, что в отличие от своих коллег, ближе подходивших к типу «секретаря-диктатора», Сулов не мог манипулировать такими

методами выдвижения кадров, как нарушение очередности, противопоставление местных и приезжих кадров.

Без оглядки на бюро и «партийный актив» Суслов, судя по его признаниям, не мог провести в жизнь также другие существенные решения, например, о выполнении повышенных обязательств по сдаче сельскохозяйственной продукции. Несмотря на то, что перевыполнение планов имело для Суслова, принципиальное значение как важнейшая предпосылка для карьерного роста, он не сумел добиться осуществления этой меры. Произошло это потому, что после официального принятия повышенных обязательств, руководители районов начали давить на членов бюро крайкома и других высокопоставленных чиновников в Краснодаре, требуя снижения намеченных планов. Члены бюро, в свою очередь, давили на Суслова: «Члены бюро отступили, и я согласился». Повышенные обязательства фактически отменили²³. Хотя Сулов не говорил об этом прямо, пример с пересмотром обязательств позволяет предположить, что отдельные члены бюро крайкома имели свои клиентские сети в районах. Через эти сети происходило лоббирование интересов районов в крайкоме. Первый секретарь крайкома, зависевший от бюро крайкома, не мог справиться с таким лоббированием.

Ограничивая влияние первого секретаря, подобное устройство сетей вместе с тем могло быть источником их устойчивости и сплоченности на основе компромиссов. В Краснодаре эта устойчивость была столь значительной, что проявилась даже в тот критический момент, когда Москва потребовала снятия Суслова. Прибывшие в Краснодар представители ЦК КПСС столкнулись с глухим сопротивлением членов бюро крайкома. По свидетельству руководителя бригады ЦК, на специально созванном заседании члены бюро выступили единым фронтом, пытаясь смягчить обвинения в адрес краевого руководства и лично Суслова²⁴. Защищая Суслова, краснодарские чиновники фактически защищали себя. В этой круговой поруке заключалась предпосылка устойчивости сетей олигархического характера.

Ситуация в краснодарской сети свидетельствовала о том, что важной предпосылкой формирования сетей олигархического типа являлось выдвижение первого секретаря из состава самой сети, который в предыдущие годы был связан с другими членами сети равноправными (или даже подчиненными) отношениями. Эту тенденцию подтверждает также пример свердловской сети в период секретарства А.М. Кутырева. Так же как Суслов, Кутырев попал на пост первого секретаря Свердловского обкома в 1952 г. после работы в качестве второго секретаря в Свердловской области. Причем и Суслов, и Кутырев работали под началом «секретарей-диктаторов» сталинского поколения – В.М. Андрианова и В.И. Недосекина. У Кутырева, судя по всему, от этого периода его карьеры остались не самые приятные воспоминания. Несколько лет спустя Кутырев говорил: «Мне не нравится стиль т. Недосекина и т. Андрианова, я даю больше инициативы работникам»²⁵. В 1955 г. в результате конфликта с сетью, во многом спровоцированного Москвой, Кутырев был снят с должности. Подробнее о ходе этого конфликта будет сказано далее.

Еще один тип своеобразной олигархии представляли сети, возникавшие вокруг секретарей, которые добровольно устранились от дел, перекладывая значительную часть своих обязанностей на сотрудников. Примером такого секретаря может служить руководитель Магаданской области Т.И. Абабков, которого сотрудники отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР в ноябре 1957 г. характеризовали следующим образом: «Роль первого секретаря обкома партии т. Абабкова Т.И. самая неприглядная, работает он без напряжения, на дела области оказывает влияние очень слабое..., в районы и на предприятия выезжает очень редко, в колхозах не бывает..., за два года был только на одной районной партийной конференции. На пленумах обкома за время работы в области (с декабря 1953 г. – О.Х.) он выступал всего лишь с одним докладом и дважды в прениях..., подолгу во время командировок находится в Москве, в области работать не хочет...»²⁶

В целом идеальная модель олигархической сети имела такие признаки:

- «слабый секретарь», по разным причинам не способный придерживаться практики жесткого единоначалия;
- сильное окружение, успешно лоббирующее свои интересы и интересы своих сторонников;
- ограниченные возможности первого секретаря в манипулировании кадрами, решение кадровых и других существенных вопросов на основе компромиссов членов бюро.

Сети, приближавшиеся к этой идеальной модели, могли быть достаточно устойчивыми в своем внутреннем устройстве. Вместе с тем они были плохо приспособлены к функционированию в советской системе, требовавшей жесткого единоначалия. Не справляясь с заданиями, поступающими из центра, сети, возглавлявшиеся слабым секретарем, разрушались, как правило, под ударами со стороны Москвы.

Компромиссные сети. Идеальный тип сетей, которые можно обозначить как компромиссные, гораздо в большей мере соответствовал реальностям функционирования сетей, чем предыдущие два типа. Четко выраженные элементы компромиссов можно обнаружить практически в каждой региональной сети. Соответственно, многие сети могут выступать объектом для изучения логики формирования сетей компромиссного типа. В качестве примера рассмотрим ситуацию в костромской сети в 1954–1956 г.г.

Первый секретарь костромского обкома А.И. Марфин был одной из жертв кампании секретарских перестановок после смерти Сталина. В январе 1954 г. его сняли с должности как не справившегося с руководством. Вместо Марфина из Москвы прислали функционера ЦК КПСС Д.Л. Сумцова. Ко времени нового назначения Сумцову было 46 лет. Проработав несколько лет секретарем райкома в Омской области, он перешел на пост одного из секретарей омского обкома, откуда через три года, в 1952 г., был переведен в

Москву на пост заведующего сектором отдела партийных органов ЦК КПСС. Прибыв в Кострому и столкнувшись с многочисленными трудностями, прежде всего, в сельском хозяйстве, Сумцов, судя по всему, занервничал, начал давить на руководящие кадры, доставшиеся ему в наследство от Марфина. Пользуясь преимуществами секретаря, вновь назначенного в «провальную» область, он просил ЦК прислать работников из других регионов на должности секретарей райкомов и в областной аппарат. Однако в Москве эту просьбу не поддержали, по крайней мере, в полном объеме. Сумцову пришлось работать преимущественно со старыми кадрами.

Характер и источники кадровых перестановок при Сумцове хорошо демонстрировали изменения в бюро обкома. Новыми членами бюро, прибывшими со стороны, были три ключевых фигуранта – второй секретарь П.В. Ильин, председатель облисполкома М.М. Баранова и секретарь по сельскому хозяйству И.Г. Лещев. Важно при этом отметить, что чиновников, прежде занимавших эти посты, Сумцов также постарался не обижать очень сильно. Прежний второй секретарь обкома был назначен на должность первого заместителя председателя облисполкома и сохранил свою позицию как член бюро обкома. Прежний председатель облисполкома утратил свое место в бюро, но был назначен на хлебную должность председателя областного союза потребительских обществ и вошел в состав обкома. Достаточно широко Сумцов пользовался методом выдвижения на более высокие посты местных функционеров. Например, первый секретарь обкома комсомола ушел на должность заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии, редактора областной газеты передвинули на заведывание отделом административных и финансово-торговых органов, секретарь одного из райкомов партии занял важный пост заведующего отделом партийных органов обкома. Особых основания роптать не было и у чиновников, которые ранее заведовали отделами. Их переместили на другие руководящие посты²⁷.

В результате таких кадровых манипуляций высшие руководители области

составили достаточно сплоченную и лояльную по отношению к Сумцову группу. Одни из них были благодарны Сумцову за выдвижение на более высокие посты, другие – за то, что он сохранил их в руководящей группе. Главному испытанию на прочность бюро обкома подверглось в январе 1956 г., когда оно было вызвано в Москву для участия в работе Секретариата ЦК КПСС, рассматривавшего вопрос о плохой работе сельского хозяйства области. Несмотря на очевидное недовольство Москвы, костромские руководители не спешили «сдавать» Сумцова. Второй секретарь обкома Ильин даже заявил на заседании Секретариата ЦК, что Сумцов вполне способен выполнять свои обязанности и в дальнейшем, чем вызвал недовольство руководителей ЦК. Роль раскольника выполнил секретарь обкома Лещев. Он заявил о необходимости заменить Сумцова²⁸. Достаточно сдержанно решение о снятии Сумцова было воспринято и на последующих пленуме костромского обкома и областной партийной конференции, которым предстояло формально утвердить принятое в Москве решение. Участники этих мероприятий скорее вынужденно критиковали Сумцова, а некоторые отмечали его положительные качества и даже обвиняли Москву в слишком частой смене руководителей Костромской области²⁹.

В конечном счете, отражением настроений костромского «актива» были результаты голосования по выборам нового состава областного партийного комитета на партийной конференции 22 января 1956 г. При тайном голосовании опальный Сумцов³⁰ получил всего 28 голосов «против» из 414 голосовавших. Его оппонент Лещев, фактически предавший шефа в трудную минуту, – 50 голосов «против». Зато Ильин, вступившийся за Сумцова в Москве, и подвергавшийся за это на конференции острой критике, был поддержан всеми 414 делегатами конференции³¹.

Несмотря на недовольство «актива», поведение Лещева было вознаграждено Москвой. Он остался членом бюро обкома, хотя и был переведен на менее значительный пост первого секретаря Костромского горкома партии. Сумцов, направленный заместителем председателя Пермского облисполкома, вскоре сумел использовать старые

связи и вернулся в Омскую область, где он начинал свою карьеру. Ильин также не остался в Костроме, а переехал в Москву на пост начальника архивного управления МВД РСФСР.

Положение в руководстве Костромской области отражало многие существенные принципы кадровой практика в сетях компромиссного типа. Одной из важнейших предпосылок формирования компромиссных сетей была уже упоминаемые «коренизация кадров» и взаимная «служебная лояльность «актива» первых секретарей. Секретарь, в частности, должен был учитывать, что «актив», руководствуясь инстинктами самосохранения и групповой солидарности, чрезвычайно болезненно относился к увольнениям и гонениям против чиновников. Обычной по этой причине была практика перевода провинившихся или невольно попавших под удар той или иной кампании работников на другие руководящие должности. Большое значение имело соблюдение правил своеобразного «номенклатурного местничества» - сохранения за работником, переведенным на другую должность, его привилегий в региональной иерархии. Например, перевод секретарей райкомов из одного района в другой, как правило, происходил с сохранением членства в составе обкома, даже если тот райком, в который переводился секретарь, ранее не имел своего представителя в обкоме. Таким образом, место в обкоме закреплялось не за представителем определенного района, а, скорее, за конкретным чиновником³². Аналогичные правила «номенклатурного местничества» нередко действовали и в отношении членства в бюро обкома. Среди чиновников равных по положению преимущественное право на членство в бюро имел тот, кто дольше служил в своей должности. Для формирования сети клиентов в сетях компромиссного типа использовались те же методы, что и в сетях, подавляемых «секретарем-диктатором» – прямой перевод старых клиентов со стороны или выдвижение коренных кадров. Однако если для сетей, складывавшихся вокруг «секретарей-диктаторов», было характерно противопоставление клиентов и сотрудников, то важным элементов компромиссных сетей

являлось соблюдение определенного баланса между влиянием и полномочиями сотрудников и клиентов.

Для противодействия внешним вторжениям компромиссные сети использовали механизм «круговой поруки». Типичной была защита компромиссными сетями тех своих членов, которые вступали в конфликт с законом, злоупотребляли служебным положением или попадали под удар требований «коммунистической морали». Показательной в этом отношении была ситуация в Чувашии, где в августе 1954 г. сыновья двух высокопоставленных руководителей, находясь в нетрезвом состоянии, затеяли драку с шоферами одного из предприятий столицы республики города Чебоксары и тяжело ранили ножом одного из них. Местные власти попытались свернуть дело. Только под напором жалоб, отправляемых из республики в Москву, соответствующих указаний из ЦК КПСС и выступлений центральной печати, бюро Чувашского обкома сняло обоих чиновников с работы. Уголовное дело было отозвано из прокуратуры Чувашской АССР и передано в прокуратуру РСФСР. В результате, оба виновника драки были в январе 1955 г. приговорены к тюремному заключению³³.

Важной предпосылкой для формирования элементов компромисса в сетях могли быть коллективные злоупотребления чиновников. Например, в Дагестанской АССР в 1956 г. разразился скандал в связи с жилищными махинациями всей верхушки республики. Проведенная центром по анонимному сигналу проверка показала, члены бюро обкома заняли особняки, и новые квартиры, отремонтированные за казенный счет. Председатель президиума Верховного совета республики посылал своего подчиненного в служебную командировку в Москву для приобретения мебели. Под нажимом из центра бюро Дагестанского обкома было вынуждено принять самоосуждающее решение. Для отвода глаз руководителей республики обязали оплатить расходы на ремонт квартир и особняков из личных средств. Однако вопрос об освобождении этих жилых помещений поставлен не был³⁴. К явлениям такого же порядка, видимо, нужно отнести традиционную практику

банкетов и застолий с употреблением спиртных напитков. Широко распространенное на низовом уровне – в районах, колхозах, на отдельных предприятиях и учреждениях, это явление, судя по ряду фактов, было присуще и высшим эшелонам региональной власти³⁵.

Банкеты и коллективные вечеринки были важным механизмом сплочения сетей и упрочения взаимозависимости местных функционеров.

В общем, характерными чертами сетей компромиссного типа можно считать следующие параметры:

- наличие «сильного» первого секретаря (но не «секретаря-диктатора»), обладавшего необходимыми рычагами административной власти и достаточным авторитетом как в местных сетях, так и в центре;
- соблюдение секретарем определенных компромиссных правил во взаимоотношениях с «активом» («коренизация» кадров, соблюдение принципов «справедливости» при перемещениях и наказаниях работников, соблюдение баланса влияния сотрудников и клиентов и т.д.) и соблюдение «активом» правил «служебной лояльности»;
- круговая порука в сети перед угрозой интервенций извне.

Судя по многим признакам, сети, приближавшиеся к типу компромиссных, были наиболее устойчивыми и приспособленными к функционированию в советской административно-политической среде.

3. Нестабильность сетей. Типы и функции конфликтов.

Приближение реальной региональной сети к тому или иному из выделенных идеальных типов в значительной мере предопределяло уровень ее конфликтности, которая была характерной чертой советской политико-административной системы с самого начала ее возникновения. Несмотря на многообразие конкретных проявлений конфликтов, в них выявляются устойчивые универсальные черты, что позволяет типизировать причины

конфликтов, а также функции, которые они выполняли в развитии региональных сетей.

Пример конфликтов в кировской сети позволяет лучше понять суть этого явления.

Кировские скандалы. Феномен комплексного конфликта. Конфликт в руководстве Кировской области в рассматриваемый период был одним из самых значительных по уровню интенсивности и длительности. В марте 1952 г. первым секретарем кировского обкома был назначен 44-летний А.П. Пчеляков. В своем карьерном росте Пчеляков прошел все ступени, необходимые для выдвижения на пост руководителя крупной области, – в 1946-1949 гг. был первым секретарем горкома в Нижнем Тагиле, одном из важных промышленных центров страны, в 1949-1951 гг. работал вторым секретарем Сталинградского обкома, после чего назначен инспектором ЦК ВКП(б). Поскольку прежний секретарь Кировского обкома был снят за «недостатки руководства», местные чиновники, многие из которых были также обвинены в плохой работе, с тревогой следили за действиями нового секретаря. Понимая опасность, проистекавшую из апатии аппарата, Пчеляков поспешил успокоить кировских чиновников. На заседании руководителей облисполкома, как свидетельствовал один из его участников, Пчеляков заявил: «В связи со сменой руководства обкома и облисполкома некоторые товарищи могут подумать, что теперь начнется замена других областных работников. Это неправильно. Кадры в области хорошие, и замен не будет. Все товарищи должны спокойно и напряженно работать». Как свидетельствовал очевидец, «это заявление тов. Пчелякова стало известно всему активу»³⁶.

Такие действия Пчелякова вписывались в оптимальную для новых секретарей стабилизирующую политику «коренизации» сетей. Однако Пчеляков по разным причинам не удержался в рамках этой модели поведения и спровоцировал в руководстве области конфликтные отношения. Помимо личных качеств самого Пчелякова, первоначальный импульс этому конфликту придало назначение на должность председателя Кировского

облисполкома А.М. Буеверова. Буеверов, судя по всему, не был выбран Пчеляковым, а послан Москвой. Причем до своего назначения он занимал такой же пост инспектора ЦК, как и Пчеляков. Уже в первые недели совместной работы между Пчеляковым и Буеверовым разразился конфликт, который затронул также других руководителей облисполкома. В сентябре Буеверов был отозван из области вновь в аппарат ЦК, что дополнительно свидетельствовало о силе его связей и наличии собственных амбиций. Воспользовавшись этим, Пчеляков предпринял снятия также других руководителей советского аппарата. Один из них – заведующий областным отделом народного образования А. Ходырев 17 сентября 1952 г. написал письмо И.В. Сталину, в котором подробно изложил все перечисленные выше факты³⁷. Ходырев сообщал также, что Пчеляков потребовал снятия секретарей обкома комсомола и инициировал многочисленные перестановки на районном уровне и т.д. Все эти события обозлили значительную часть «актива», отражением чего может служить само письмо Ходырева Сталину. Ходырев сообщал, что «в активе пошли разговоры об избиении кадров», что у части «актива» усилилось «чувство неуверенности».

Таким образом, с самого начала конфликт в кировской сети приобрел сложный характер. С одной стороны, против кадровых чисток выступил партийный «актив», сформировавшийся при прежних секретарях. С другой стороны, сам Пчеляков подавлял олигархические претензии Буеверова, который так же, как Пчеляков, был прислан из Москвы и не желал играть второстепенную роль при Пчелякове. В таком двойном направлении кировский конфликт продолжался и в последующие годы.

Вместо отозванного в Москву Буеверова, 17 сентября 1952 г. был назначен новый председатель кировского облисполкома И.П. Сафронов³⁸. Тогда же, осенью 1952 г., в Киров прибыл новый второй секретарь обкома С.Е. Санин. И Сафронов, и Санин, так же, как Буеверов, ранее работали инспекторами ЦК. Это обстоятельство, как было в случае с Буеверовым, определяло их особые амбиции. Воспользовавшись одной из ошибок

Пчелякова, сначала Санин на партийной конференции в феврале 1954 г., а затем Сафронов на пленуме обкома в марте 1954 г. открыто выступили с обвинениями против первого секретаря. В феврале Пчеляков смолчал. Однако в марте на пленуме обкома он резко ответил и Санину и Сафронову, обвинив их в неискренности и приспособленчестве³⁹.

Конфликт в бюро обкома стимулировало продолжавшееся противостояние Пчелякова с кировским «активом». На отчетно-выборной партийной конференции в феврале 1954 г. некоторые низовые работники открыто обвинили Пчелякова в том, что он «допускает окрики, грубость, администрирование..., ведет себя высокомерно, заносчиво, не выслушивает до конца людей и не считается с мнениями других». В заключительном слове Пчеляков, по свидетельству инспектора ЦК КПСС, присутствовавшего на пленуме, «признал критику... в основном правильной, однако пытался оправдываться и оспаривать отдельные положения вплоть до пререкания с делегатами конференции». В результате во время выборов в состав обкома, проводившихся тайным голосованием, Пчеляков получил против 76 голосов (16% от числа голосовавших)⁴⁰.

Используя поддержку Москвы, Пчеляков собрался с силами и перешел в наступление. В марте 1955 г. он провел решение о перемещении второго секретаря обкома Санина на мало престижную должность председателя областного совета профсоюзов. Несмотря на жалобы Санина, Пчеляков получил поддержку Москвы. Санин остался на новой профсоюзной должности⁴¹. На его место полгода спустя, в октябре 1955 г., был утвержден Г.И. Шаталин, слушатель Высшей партийной школы при ЦК КПСС, занимавший до учебы пост второго секретаря Хабаровского крайкома.

Хотя Пчеляков существенно укрепил свои позиции, недовольные кировские руководители и «актив» продолжали борьбу. На партийной конференции в январе 1956 г. повторилась ситуация двухлетней давности. Из 514 голосовавших делегатов конференции против Пчелякова проголосовали 67 человек. Ни один другой член обкома не получил такого значительного количества голосов «против». Симпатии конференции явно были на

стороне критиков Пчелякова. Например, против Санина проголосовали 4 делегата⁴². В последующие месяцы ситуация в руководстве Кировского обкома еще больше запуталась. Пчеляков не сумел найти общий язык также и с новым вторым секретарем обкома Шаталиным. Периодически между ними вспыхивали конфликты. Продолжались трения между Пчелякова и председателем облисполкома И.П. Софроновым. При всяком удобном случае бунтовали против Пчелякова низовые работники. Так, в декабре 1956 г. секретарям ЦК КПСС была разослана записка о партийной конференции Советского района Кировской области, которая состоялась 12-13 декабря. Накануне Пчеляков посетил этот район в связи с хлебозаготовками, выколачивал хлеб из колхозов и раздавал выговоры. В ответ районный «актив» восстал. На конференции в адрес Пчелякова раздавались такие оценки: «Он в районе был два раза, вел себя безобразно грубо, умного ничего не сказал, в колхозах был мало, не разобрался, обругал многих руководителей колхозов..., втоптал в грязь секретаря райкома партии... т. Пчеляков работает методом некрасовского помещика...». В резолюцию конференции был записан такой пункт: «Довести до сведения бюро обкома КПСС, что делегаты конференции в своих выступлениях резко критиковали формально-бюрократический стиль руководства и грубое отношение к партийным, советским и колхозным кадрам со стороны первого секретаря обкома партии т. Пчелякова А.П.» Предложения секретаря Советского райкома партии и одного из секретарей обкома, присутствующего на конференции, не включать этот пункт в резолюцию делегаты отклонили⁴³.

Преодолевая такие препятствия, Пчеляков постепенно укреплял свои позиции, избавляясь от нелояльных сотрудников. В начале 1957 г. Пчеляков добился отзыва из Кирова своего наиболее непримиримого недоброжелателя Санина. В облисполкоме в противовес Софронову Пчеляков поддерживал его заместителя⁴⁴. Периодически нападая на Шаталина и Сафронова, Пчеляков использовал также трения между ними и разжигал этот конфликт⁴⁵. Вскоре Пчеляков добился снятия Сафронова с поста председателя

облисполкома⁴⁶. Аналогичную политику кадровых чисток и выдвижения лояльных сотрудников проводил Пчеляков в отношениях с «активом». Новый обком, избранный на очередной конференции в январе 1958 г., состоял из 97 человек по сравнению с 91 в 1956 г. При этом в новый обком не вошел 31 член обкома из числа избранных в 1956 г. Больше трети членов обкома, не избранных на повторный срок, составляли секретари райкомов и горкомов партии⁴⁷. Об общем росте лояльности «актива» свидетельствовали результаты голосования на январской конференции 1958 г. Если два года до того, на предыдущей партийной конференции, Пчеляков при выборах в члены обкома получил против 67 голосов из 514 голосовавших, то на январской конференции 1958 г. эти цифры составляли уже 13 из 546⁴⁸.

Таким образом, фактически в кировской сети наблюдалось соединение конфликтов двух типов. Первый – «бунт» против секретаря-диктатора. Второй – борьба секретаря с олигархическими поползновениями его ближайшего окружения. Такие конфликты, чаще всего не в комплексе, а по отдельности, были присущи и многим другим сетям.

«Бунты» против «секретарей-диктаторов». Выступления «актива» против секретарей, склонных к жестким методам руководства, были достаточно распространенным явлением в региональных сетях в рассматриваемый период. Все черты этого типа конфликта имели, например, столкновения в томской сети. Первый секретарь томского обкома В.А. Москвина был грубым администратором, что являлось закономерным результатом его карьерного пути. Не имея даже высшего образования, Москвин выдвинулся благодаря террору 1930-х годов. В 1939 г. он был назначен парторгом ЦК ВКП(б) на Кузнецком металлургическом комбинате. Эта должность, как и должность первого секретаря горкома в Сталино, крупном сибирском промышленном центре, требовали жесткости, умения решать многочисленные производственные проблемы методами штурма и натиска. Свои первые шаги на руководящей работе

Москвин делал под руководством типичного сталинского секретаря, первого секретаря Новосибирского обкома М.В. Кулагина и многое перенял от своего учителя. Корреспондент газеты «Правда» в январе 1943 г. так описывал в докладной главному редактору газеты стиль работы Москвина: «В сталинском горкоме любят подолгу заседать, но на этих заседаниях нет коллегиальности, нет коллективного обсуждения текущих вопросов. Тов. Москвин по опыту т. Кулагина ведет допросы и произносит часовые речи»⁴⁹. После создания в 1943 г. Кемеровской области, в которую вошел город Сталино, Москвин был назначен первым заместителем председателя, а затем председателем кемеровского облисполкома. Проучившись с 1950 г. на курсах переподготовки при ЦК ВКП(б), в ноябре 1951 г. он был направлен первым секретарем в Томскую область вместо А.В. Семина, снятого с формулировкой «не справившийся с работой». Как уже говорилось, назначение по такой схеме в определенной мере развязывало руки новым секретарям. Москвин в полной мере воспользовался этой ситуацией и жесткой рукой «наводил порядок».

Однако, полагаясь на подчинение и запугивание, Москвин явно переоценивал возможности этих методов. Не сумев соблюсти баланс между подавлением и компромиссами, Москвин спровоцировал конфликт, который сыграл роковую роль в его карьере. Вопреки логике, он преследовал не только руководителей отстающих районов, но и передовиков, поскольку не терпел амбициозных, энергичных чиновников в своем окружении. Два таких преследуемых передовика – первый секретарь Кожевниковского района Ф.Т. Головенко и председатель райисполкома Ф.М. Плотко решились написать жалобу Хрущеву. В заявлении от 24 ноября 1958 г. они обвиняли Москвина в поощрении приписок, в мести за критику и избиении кадров⁵⁰. В Москве обратили внимание на эту жалобу. Проведенная проверка показала, что по требованиям Москвина, руководители районов фальсифицировали отчетные данные, создавая видимость перевыполнения планов, а затем компенсировали приписки поставками последующих месяцев.

Припертый к стене, Москвин 16 января 1959 г. провел через бюро обкома постановление, осуждавшее эту практику. В постановлении объявлялись взыскания ряду районных и областных руководителей, однако содержался также пункт о том, что приписки провоцировали ошибочные указания самого Москвина⁵¹. Почувствовав поддержку из центра, недовольные томские чиновники перешли в наступление. На состоявшемся в начале 1959 г. пленуме обкома Плотко внес предложение об освобождении Москвина от должности первого секретаря. Другие ораторы, как говорилось в справке, представленной отделом партийных органов руководству партии, критиковали Москвина «за плохое руководство сельским хозяйством..., за грубость и администрирование»⁵². По причине отсутствия ясных указаний из Москвы предложение Плотко поддержано не было. Однако в то время как областные чиновники демонстрировали сдержанность, районные продолжали наращивать кампанию против Москвина. После пленума обкома на пленумах трех райкомов прозвучали заявления о том, что обком вынес мягкое решение, ограничившись обсуждением вопроса об ошибках Москвина. А пленум Парбигского райкома просил бюро обкома вторично рассмотреть вопрос о партийной ответственности Москвина⁵³.

Столь жесткую реакцию районных функционеров было бы неправильно объяснить только желанием подыграть обозначившемуся курсу Москвы на смену руководства области. Несомненно, они были возмущены решением бюро Томского обкома от 16 января, в котором их фактически превратили в «козлов отпущения», расплатившихся за выполнение прямых указаний Москвина (метод – типичный для «секретаря-диктатора»). После некоторых проволочек, в июне 1959 г. ЦК КПСС снял Москвина с должности первого секретаря «как не обеспечивающего руководство». Два года после этого Москвин проработал одним из секретарей Курганского обкома и в 1961 г. был отправлен на пенсию.

Конфликты в томской сети, хотя начинался по инициативе снизу, достиг своего

апогея после демонстрации Москвой признаков недовольства первым секретарем. Такая модель скрытого развития конфликта и его открытой интенсификации после вмешательства Москвы была характерна и для других конфликтов в сетях, подавляемых «секретарем-диктатором». По такому сценарию развивался, например, конфликт в бюро Ульяновского обкома в 1957 г. Первый секретарь обкома И.П. Скулков, назначенный на этот пост в 1952 г. после громкого скандального снятия прежнего секретаря⁵⁴, управлял своими подчиненными жесткой рукой, игнорировал бюро обкома, за что неоднократно получал замечания от отдела партийных органов ЦК КПСС⁵⁵. Терпение Москвы лопнуло, когда в апреле 1957 г. Скулков, практически единолично, провел решение об объявлении взысканий сразу 28 районным руководителям. Получив соответствующий протокол заседания бюро обкома, сотрудники отдела партийных органов ЦК провели проверку, в ходе которой выяснилось, что протокол фактически был сфальсифицирован, так на заседании отсутствовали те члены бюро, которые были обозначены как присутствующие. В Ульяновск прибыл инспектор ЦК КПСС. Пользуясь этим, группа недовольных членов бюро обкома выступила против Скулкова. Его действия были публично осуждены⁵⁶. В январе 1958 г. Скулков получил почетную, но второстепенную должность председателя комиссии советского контроля при Совете министров Российской Федерации.

Вмешательство инспекторов из Москвы способствовало также легализации конфликта в бюро ЦК компартии Азербайджана между первым секретарем ЦК Мустафаевым и другими высшими руководителями республики. Ранее опасаясь перечить Мустафаеву, члены бюро воспользовались прибытием в республику комиссии ЦК КПСС и заявили ей жалобы на грубость первого секретаря⁵⁷. По докладу комиссии в ЦК дали указание Мустафаеву обсудить вопрос о положении в руководящей верхушке республики на заседании бюро, что и было сделано 17–18 августа 1955 г.⁵⁸ Мустафаеву и другим членам бюро сделали внушение. Фактически на этой стадии конфликт был законсервирован, но не исчерпан. В конце концов, действуя более осторожно, Мустафаев

добился снятия с руководящих постов всех своих оппонентов, включая второго секретаря ЦК компартии Азербайджана, председателя правительства, председателя республиканского КГБ⁵⁹. Обеспечив прочные тылы в Азербайджане, Мустафаев потерял свою должность только тогда, когда стал негоден Москве, в июле 1959 г.⁶⁰

Главной причиной всех рассмотренных конфликтов была агрессивная политика «секретарей-диктаторов» по отношению к сетям, чрезмерное давление на местных чиновников и нежелание следовать правилам номенклатурных компромиссов. Главной движущей силой противодействия «секретарю-диктатору» могли выступать как низовые районные работники, так и ближайшее окружение секретаря. Однако исход таких конфликтов в любом случае зависел от позиции центра, который выступал активной стороной в региональных столкновениях, ускоряя или замедляя их своими действиями.

«Претензии олигархов». Как уже говорилось, скандалы в Кирове в период секретарства А.П. Пчелякова выявили тип конфликтной ситуации в сетях, который можно определить как «претензии олигархов» – выступления против секретаря членов бюро обкома. В определенном смысле такие конфликты можно рассматривать как частный случай «бунта» против «секретаря-диктатора». Однако между этими двумя типами конфликтов существовала определенная разница. Если «бунты» были реакцией «актива» на нарушение его номенклатурных прав и не претендовали на ограничение единоначалия секретаря, то «претензии олигархов» объективно оспаривали принцип единоначалия за счет расширения реальных полномочий руководящей верхушки. Соответственно, если «бунты» нередко инициировались на уровне районов, то «претензии олигархов» формировались в бюро обкома или в его узкой руководящей группе.

Претензии на особое влияние в кировском случае исходили от высших руководителей области, командированных Москвой и занимавших до этого высокие посты. В этом смысле конфликт был результатом кадровой политики центра, который

невольно или сознательно создавал ситуацию нескольких медведей в одной берлоге. Конфликтом были чреваты также ситуации, когда новый секретарь попадал в окружение «коренной» сети, формировавшейся вокруг тех старых секретарей, которые не были сняты за провалы в работе. Старые чиновники, не скомпрометированные какими-либо обвинениями, чувствовали себя достаточно сильными, чтобы бросить вызов чужаку, особенно если он не обладал достаточной гибкостью и силой. Конфликт такого рода развивался во второй половине 1950-х годов в руководстве Кемеровского обкома. Первый секретарь обкома М.И. Гусев был отправлен в отставку в декабре 1955 г. с формулировкой «по болезни». Новым секретарем Москва рекомендовала заместителя заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР С.М. Пилипца. Судя по всему, местные чиновники с самого начала отнеслись к этому назначению с неодобрением. Многие годы спустя Е.З. Разумов, занимавший при Гусеве и Пилипце пост второго секретаря обкома, так характеризовал факт выдвижения Пилипца: «Были периоды в ЦК, когда любили на места присылать своих представителей... Была линия такая. Местный человек сросся с недостатками, у него появились привязанности, ненужные для первого секретаря обкома, для лидера... Были такие основания, и ЦК предпочитал во многих случаях присылать работников более слабых, чем было нужно. Пилипца, например, прислали. Боже мой! Да таких пилипцов у нас в Кузбассе пруд пруди!»⁶¹.

Эта изначальная предубежденность, судя по всему, усиливалась личными качествами Пилипца. Сравнительно молодой функционер, которому в момент назначения первым секретарем Кемеровского обкома исполнилось 43 года, в течение ряда лет делал успешную карьеру в Москве, но не имел достаточных знаний и навыков в управлении таким сложным регионом как Кемеровская область. Ослаблял позиции Пилипца и тот факт, что, в отличие от своего предшественника, после назначения на должность он был избран не членом, а лишь кандидатом в члены ЦК. Это обстоятельство, между прочим, поставило его в неравные условия по отношению к председателю Кемеровского совета

народного хозяйства, члену ЦК КПСС и бывшему министру угольной промышленности А.Н. Задемидко⁶². Натянутые отношения сложились у Пилипца с председателем облисполкома В.С. Шаповаловым и вторым секретарем обкома Е.З. Разумовым. В то же время Шаповалов, Разумов и другие члены бюро обкома составляли достаточно сплоченную команду, многие годы работавшую в Кемерово.

Постепенно зревший конфликт между Пилипцом и этой командой открыто проявился в январе 1959 г. В связи с этим инспектору ЦК КПСС, курировавшему Кемеровскую область, было поручено обсудить положение в обкоме на закрытом заседании бюро. Сговорившись, Шаповалов и Разумов организовали на этом заседании проработку Пилипца, обвинив его в порочном стиле руководства, в плохой подготовке к заседаниям бюро, в слабом контроле за выполнением принятых решений, в ошибочных кадровых назначениях, в грубости, капризности, упрямстве и т.д. Как докладывал инспектор ЦК своему руководству, некоторые члены бюро утверждали, что мнительность и подозрительность Пилипца «мешают делу, создают моральную напряженность, настороженность в работе, заставляют членов бюро работать с оглядкой»⁶³. Пилипец хорошо понимал, кто инициировал эту проработку. В личной беседе с инструктором ЦК он дал нелестную характеристику Шаповалову, назвал его «опаснейшим человеком», «интриганом», который «собирает вокруг себя обиженных». Однако открыто выступать против Шаповалова Пилипец опасался⁶⁴.

Свержение «слабого» секретаря. Как уже говорилось выше, сети олигархического типа, формировавшееся вокруг «слабого» секретаря, внутренне могли быть достаточно устойчивыми и сплоченными. Однако вмешательство центра могло спровоцировать в этих сетях конфликты, вызванные стремлением областных руководителей пожертвовать первым секретарем для сохранения собственных должностных позиций. Примером такого развития событий служит ситуация в свердловской сети в 1955 г.

В апреле 1955 г. в Свердловск прибыла комиссия из Москвы во главе с заместителем заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР М. Севастьяновым. Выявив многочисленные недостатки в работе обкома (что было вполне обычно для любой комиссии из центра выезжавшей в любой из регионов страны), Севастьянов созвал бюро обкома и поставил на нем вопрос о причинах плохой работы. Бюро собралось без первого секретаря обкома А.М. Кутырева, который в это время болел. Поощряемые отсутствием первого секретаря, члены бюро фактически возложили всю вину за провалы в работе на него. После выздоровления Кутырева, 14 июня 1955 г., в присутствии того же М. Севастьянова было созвано еще одно заседание бюро обкома по этому поводу.⁶⁵

Материалы этих заседаний свидетельствовали о том, что свердловская руководящая сеть приближалась к олигархическому состоянию. Нетребовательный и часто отсутствовавший по причине болезни, Кутырев явно ослабил контроль над своим окружением. Свердловский случай демонстрировал две главных слабости сетей, приближающихся к олигархическому типу. Первое – падение административной дисциплины. «В бюро неорганизованность и вольность, кто хочет – уходит без разрешения», – жаловался на заседании бюро обкома 14 июня 1955 г. начальник управления МВД по Свердловской области⁶⁶. «На бюро дисциплина слабая, много вольности», – поддерживал его первый секретарь Свердловского городского комитета партии⁶⁷. Члены бюро считали Кутырева «нетребовательным, мягким, увлекающимся человеком», который «по своей доброте за все берется» и «мало спрашивает с секретарей обкома, мало дает им поручений»⁶⁸. Второй важной причиной недовольства свердловских функционеров, как и других чиновников, работавших в олигархических сетях, была слабость контактов Кутырева в Москве, его незначительные возможности для лоббирования интересов области: «Нет у тов. Кутырева настойчивости перед министерствами»; «уклоняется от подписания документов в ЦК КПСС»⁶⁹. Эти

административные слабости олигархических сетей особо обострились в периоды вторжения московских контролеров, что и произошло в Свердловске.

Выступление бюро обкома против первого секретаря послужил сигналом для развала всей свердловской сети. Через несколько месяцев, 26 октября 1955 г., в Свердловске произошло не характерное для номенклатурной системы столкновение между партийным и комсомольским руководством. На пленуме обкома комсомола была отвергнута предложенная обкомом партии (и, конечно, согласованная в Москве) кандидатура нового первого секретаря обкома ВЛКСМ. Большая группа комсомольских активистов потребовали отдать эту должность не чужаку, а своему действующему второму секретарю обкома комсомола. Присутствовавший на пленуме Кутырев сделал комсомольцам внушение, напомнив, что они работают под руководством партии. Под нажимом Кутырева и представителя ЦК ВЛКСМ кандидатура первого секретаря, одобренная наверху, была поставлена на голосование. Однако, несмотря на то, что голосование было открытым, из 45 членов обкома ВЛКСМ против нового секретаря проголосовали 16 и двое воздержались⁷⁰.

Явное ослабление позиций Кутырева во вверенной ему области подтолкнуло Москву к более решительным действиям. 31 декабря 1955 г. Президиум ЦК КПСС освободил Кутырева от должности первого секретаря, правда, со щадящей формулировкой «по состоянию здоровья». Недовольные Кутыревым члены обкома получили то, что хотели. Их новым начальником стал представитель хрущевской украинской группировки, бывший первый секретарь Днепропетровского обкома А.П. Кириленко. Это был секретарь с прочными связями в Москве. Кутырев же после небольшого перерыва получил сначала должность первого заместителя министра рыбной промышленности СССР, а затем председателя Калининградского совнархоза. В 1960 г. он вышел на пенсию⁷¹.

Конфликт в Свердловске еще раз демонстрировал, что сети, приближавшиеся к типу олигархических, плохо вписывались в советскую административную систему. Относительная гибкость и возможность согласования интересов представляли собой более слабое преимущество, чем единоначалие первого секретаря. «Слабый секретарь», как фактор силы сети, был одновременно фактором ее слабости во взаимодействии с центром. В условиях постоянного дефицита ресурсов, которые добывались при помощи методов лоббирования, слабость секретаря создавала многочисленные проблемы для региона. В результате, угроза санкций со стороны центра могла вызвать стремление олигархической сети избавиться от «слабого секретаря», даже за счет утраты тех преимуществ относительной автономности, которые члены сети извлекали из своего относительно независимого положения.

Результаты и функции конфликтов. Если внешние результаты конфликтов в региональных сетях были очевидны, то определить воздействие того или иного способа разрешения конфликтов на развитие сетей гораздо сложнее. Как было показано выше, конфликты, развивавшиеся по сценарию «бунта» против «секретаря-диктатора» с чисто административной точки зрения имели два способа разрешения. Первый – «снятие секретаря-диктатора». Второй – устранение или подавление его оппонентов. Последствия первого сценария для развития сетей во многом зависели от того, кто приходил на смену старому секретарю. В целом, однако, можно отметить, что сам по себе факт снятия предшественника в результате конфликта с «активом» скорее поощрял нового секретаря искать компромиссы, чем вступать в новый круг конфликтов. При этом чувство победителя было противопоказано и «активу», поскольку последствия столкновений с новым секретарем могли оказаться не столь благоприятными. В общем, снятие «секретаря-диктатора» было скорее фактором, способствующим формированию в сетях элементов компромисса.

Победа «секретаря-диктатора» в целом означала укрепление его позиций, как это произошло, например, в кировской сети. Непререкаемая власть А.П. Пчелякова, подавившего всех оппонентов, была важной предпосылкой последующих событий в Кировской области – принятия авантюристических планов мясозаготовок и массовых приписок. Дело Пчелякова было не менее масштабным, чем дело рязанского секретаря Ларионова, хотя и не получило такой известности. Аналогичные тенденции наблюдались в Азербайджане, где итогом конфликтов стало формирование сети, в которой абсолютно доминировал первый секретарь И.Д. Мустафаев, а реальное влияние других членов руководства стремилось к нулю. По свидетельству заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам В.Е. Семичастного, в 1959 г. даже второй секретарь ЦК компартии Азербайджана, потенциально влиятельный комиссар центра, производил крайне жалкое впечатление: «...Он был случайной кандидатурой – с низким профессиональным образованием: окончил все лишь сельскохозяйственный техникум. Воспользовавшись этим, его, второго секретаря, «освободили» от важнейших областей работы – кадровой, партийной, руководства административными органами, то есть тех вопросов, которые обычно вели вторые секретари партии, и поручили ему вести сельское хозяйство»⁷². Как заявил на пленуме ЦК компартии Азербайджана в 1959 г., снимавшем Мустафаева, бывший председатель Совета министров республики, также снятый Мустафаевым, «в бюро ЦК он [Мустафаев – *Авт.*] создал обстановку мертвецкого молчания, особенно за последние годы, никто не имел права заикаться, все должны были подчиняться ему беспрекословно»⁷³.

Хотя победа в конфликтах секретаря в значительной мере способствовала приближению реальных сетей к идеальному типу сетей, подавляемых «секретарем-диктатором», было бы неправильно игнорировать тот факт, что даже в таких сетях наблюдались и иные последствия конфликтов. В своей борьбе «секретари-диктаторы» не всегда шли напролом. Они должны были маневрировать, искать компромиссы с центром и

старыми сетями, формировать новую сеть лояльных сотрудников и клиентов.

Применительно к новой сети, «секретарь-диктатор» даже в случае своей победы не мог вести ту же конфронтационную политику, которая была характерна для взаимоотношений с сетью, доставшейся в наследство от старого секретаря. В конечном итоге, эти факторы могли усиливать не только власть «секретаря-диктатора», но и предпосылки компромисса.

К компромиссному типу в результате конфликта приближались те сети, в которых окружение в определенные моменты переигрывало первого секретаря, но не могло полностью подчинить его, как это было, например, в Кемерово при М.С. Пилипце. Внешнее проявление этого компромисса запомнил один из участников конфликта, второй секретарь обкома Е.З. Разумов: «Пилипец как шелковый стал. Предупредительный! Зайдешь к нему – встанет, выскочит из-за стола, поздоровается. Очень, очень изменился»⁷⁴. Однако такие изменения не означали, что сеть стала полностью олигархической. Пилипец сохранял достаточно прочные позиции. С должности в конце 1959 г. его сняли не из-за проблем с текущим руководством, а в связи с масштабной аварией на Кузнецком металлургическом комбинате.

Наконец, необходимо отметить еще одно важное обстоятельство, имевшее значение для конфликтов в сетях любого типа. Наличие конфликтов ослабляло сети и первого секретаря перед лицом интервенции центра. Для Москвы конфликт был хорошим предлогом не только для дополнительных проверок регионов, но и для кадровых перестановок. По этой причине в принципе ни одна сеть не была заинтересована в конфликтах. Сама угроза конфликта могла играть роль фактора, стабилизирующего и сплачивающего сети, на основе взаимных уступок и компромиссов между функционерами.

* * *

Заметные перемещения первых секретарей региональных партийных комитетов, произведенные в первые годы после смерти Сталина, оказывали существенное воздействие на развитие региональных сетей. Первый секретарь был важным, можно сказать, ключевым элементом региональной системы власти. Его личные качества, взаимоотношения с центром и региональным «активом» во многом определяли качество сетей и уровень их устойчивости. Благодаря этому, классификацию региональных сетей можно провести при помощи выделения своеобразных идеальных типов в условной шкале, отражающей взаимоотношения первого секретаря и сети. Попытка такой классификации была предпринята в данной статье.

Характерной чертой сетей в рассматриваемый период были попытки многих секретарей утвердить себя в роли своеобразного диктатора. Признаками сетей, приближающихся к этому типу, были абсолютное единоначалие секретаря и заметное уменьшение роли бюро, произвол секретаря в решении кадровых вопросов, нелояльное отношение не только к «активу» в целом, но и к ближайшим сотрудникам. Во многих случаях сети, подавляемые секретарем-диктатором, демонстрировали повышенную конфликтность. Вместе с тем такие секретари пользовались явной поддержкой центра и поэтому выходили из конфликтов победителями. Просекретарская позиция Москвы в данном случае во многом определялась тем обстоятельством, что именно «секретари-диктаторы» были способны обеспечить проведение кампаний резкого наращивания производства, прежде всего, в сельском хозяйстве. Так, инициаторами широко разрекламированного почина трехкратного увеличения продукции животноводства в течение одного года выступали рязанский секретарь А.Н. Ларионов и Кировский секретарь А.П. Пчеляков, оба отличавшиеся явной склонностью к авторитарным методам управления. Подавляя сопротивление, эти и другие подобные им секретари были способны навязать сетям авантюристические по своей сути планы.

Менее распространенными были сети, которые по своим признакам приближались к своеобразной региональной олигархии, основой которой были влиятельные члены бюро, окруженные собственными клиентами из актива, и «слабый секретарь». Такие сети были более гибкими внутренне, но менее приспособлены к существующей системе взаимоотношений центра и регионов. Вынужденные в большей мере учитывать многочисленные и часто противоречивые интересы сетей, «слабые секретари» не могли столь легко откликаться на призывы центра к производственным рекордам. «Слабые секретари», кроме того, не обладали тем потенциалом лоббирования местных интересов, который был важным фактором развития регионов в советской политико-административной системе. В конечном счете, все это нередко стоило «слабым секретарям» должности.

Чем ближе к идеальному крайнему типу сетей – сеть, подавляемая «секретарем-диктатором» или олигархическая сеть при «слабом секретаре» – приближалась та или иная реальная сеть, тем большей была угроза нестабильности этой сети. Главным признаком нестабильности были конфликты, выполнявшие во многих случаях важную функцию восстановления равновесия в сетях на основе компромиссов и отдаления от практик крайних типов. Формировавшиеся в результате сети можно определить как компромиссные. Компромиссные отношения усиливались в сетях как в результате их внутреннего развития (вынужденная практика преимущественного выдвижения местных кадров, стремление предотвращать конфликты и т.д.), так и в силу необходимости определенной сплоченности региональных сетей перед угрозами, исходившими из центра.

Хотя в реальности каждая конкретная сеть сочетала в себе разные элементы отмеченных идеальных типов, пропорции этого сочетания были столь разными, что позволяют классифицировать сети по принципу большего или меньшего приближения к одному из трех идеальных типов. Относительное многообразие типов сетей, которое наблюдалось в середине 1950-х годов, можно считать отражением переходного состояния

как советской политической системы в целом, так и ее региональной составляющей. Со временем, однако, внутренние процессы развития самих сетей и, главным образом, политика центра привели к заметной унификации сетей. В 1959–1961 гг. была произведена заметная ротация первых секретарей обкомов, одной из главных причин которой были громкие скандалы, вызванные массовыми приписками к отчетам о производстве сельскохозяйственной продукции. Широко известное «рязанское дело» – вскрытие махинаций в Рязанской области, объявленной «маяком» в сфере животноводства, и последовавшая за этим смерть секретаря этого обкома А.Н. Ларионова, только накануне первым из секретарей обкомов получившего звание Героя социалистического труда – было лишь вершиной айсберга. Скандалы разной интенсивности прокатились по большинству регионов страны. Их жертвами в первую очередь были «секретари-диктаторы», которые наиболее энергично откликались на головокружительные инициативы Москвы. Нараставшее разочарование и раздражение Хрущева по отношению к региональными функционерам выразилось в известной административной реформе – разделении обкомов на сельские и промышленные. Эта реорганизация объективно также ослабляла власть секретарей, имевших склонность к авторитарным методам руководства и усиливала в сетях элементы компромиссов.

Таким образом, ко времени смещения Хрущева сформировались предпосылки для утверждения в качестве преобладающего такого типа региональных сетей, которые возглавлялись «сильным» секретарем (но не «секретарем-диктатором») и функционировали на принципах административных и персональных компромиссов. Их основным признаком было соблюдение определенных правил «номенклатурной справедливости» при решении кадровых вопросов, относительно гармоничное сочетание прав и обязанностей высшего руководства региона и «актива», их взаимная лояльность. Вместе с тем политические процессы в стране, прежде всего, соперничество за власть в московских верхах во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов и реализация в

брежневский период принципа «кадровой стабильности» не могли не способствовать усилению единоначалия региональных секретарей. Реальное взаимодействие этих тенденций в развитии региональной власти требует дальнейшего изучения на основании документов.

Примечания

¹ Rigby T.H. *Political Elites in the USSR. Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev*. Aldershot, 1990. P. 156–161.

² Armstrong J.A. *The Soviet Bureaucratic Elite: A Case Study of the Ukrainian Apparatus*. New York, 1959; Blackwell R.E. *Elite Recruitment and Functional Change: An Analysis of the Soviet Obkom Elite, 1950–1968* // *The Journal of Politics*. 1972. Vol. 34(1). P. 124–152; Frank P. *The CPSU obkom first secretary: a profile* // *British Journal of Political Science*. 1971. Vol. 1 (1). P. 173–190; Oliver J. H. *Turnover and Family Circles in Soviet Administration* // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. P. 527–545.

³ Hough J.F. *The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-making*, Cambridge, Mass., 1969.

⁴ Мохов В.П. *Региональная политическая элита России (1945–1991)*. Пермь, 2003; Mawdsley E., White S. *The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its Members, 1917–1991*. Oxford, 2000.

⁵ Lewin M. *Russia/USSR/Russia*. New York, 1995. P. 185–208; Fairbanks Ch. H., Jr. *Clientelism and the Roots of Post-Soviet Disorder* // R.G. Suny (ed.) *Transcaucasia, Nationalism, and Social Change*. Ann Arbor, 1996; Афанасьев М.Н. *Клиентелизм и российская государственность*. М., 2000.

⁶ Коновалов А.Б. *Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991)*. Кемерово, 2006.

⁷ Сорокин В.В. *Последний в когорте «железных вождей»*. Барнаул, 1998; Салашенко В.Н. *Первые: Наброски к портрету первых секретарей Краснодарского крайкома*. Краснодар, 2000; Корсаков С.Н. *Тверские руководители (1917–1991). Партия, советы, комсомол*. Тверь, 2002; Сушков А.В., Разинков С.Л. *Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)–КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991*. Екатеринбург, 2003; Коновалов А.Б. *История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей. 1943–1991*. Кемерово, 2004; Агарев А. *Трагическая авантюра. Сельское*

хозяйство Рязанской области 1950-1960 гг. А.Н. Ларионов, Н.С. Хрущев и другие. Рязань, 2005 и др.

⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 56, д. 1739, л. 433. Выступление начальника Красноярского краевого управления совхозов на красноярской краевой партийной конференции в январе 1956 г.

⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 10, л. 34. Докладная записка заведующего сектором отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Шаркова от 2 декабря 1954 г. о поведении первого секретаря ЦК компартии Карело-Финской ССР А.Н. Егорова.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 56, д. 2082, л. 13. Выступление члена псковского обкома Борщева на пленуме псковского обкома в январе 1956 г.

¹¹ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 134, л. 110.

¹² Там же, ф. 17, оп. 56, д. 2041, л. 7.

¹³ Там же, д. 2040. л. 105, 137–138, 291, 335.

¹⁴ Там же, д. 1739, л. 408.

¹⁵ Там же, л. 430-434.

¹⁶ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 141, л. 5–11.

¹⁷ Там же, ф. 17, оп. 57, д. 2161, л. 310.

¹⁸ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 79, л. 75.

¹⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 10, л. 34.

²⁰ Там же, ф. 13, оп. 1, д. 793, л. 49, 55.

²¹ Там же, д. 805, л. 6–7.

²² РГАСПИ, ф. 17, оп. 57, д. 1797, л. 70.

²³ Там же, л. 71–72.

²⁴ Там же, л. 78.

²⁵ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 58, л. 36.

²⁶ РГАНИ, ф. 13, оп. 1, д. 602, л. 8.

²⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 54, д. 2232, л. 154–157; д. 2233, л. 2, 102–105; оп. 56, д. 1703, л. 103, 204–205.

²⁸ Там же, ф. 17, оп. 56, д. 1703, л. 181, 190; д. 1704, л. 39.

²⁹ Там же, ф. 17, оп. 56, д. 1703, л. 136–138, 172; д. 1704, л. 27, 33–34.

³⁰ По каким-то причинам Сумцов, уже снятый с поста первого секретаря, вновь избирался в состав костромского обкома. Вероятно, в Москве существовал план его назначения на какой-то пост в Костромской области.

³¹ Там же, ф. 17, оп. 56, д. 1703, л. 219–220.

-
- ³² См. например, проявление этого принципа при перемещениях секретарей райкомов в Красноярском крае в 1956–1957 гг. (Там же, ф. 17, оп. 56, д. 1739, л. 377–380; оп. 57, д. 1820, л. 316–319).
- ³³ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 3, л. 52–53, 63, 72–73, 112.
- ³⁴ Там же, д. 56, л. 45–50.
- ³⁵ См. например, информацию о приемах в здании Новгородского обкома - там же, д. 109, л. 92–94.
- ³⁶ Там же, ф. 558, оп. 11, д. 903, л. 27.
- ³⁷ Там же, л. 27–33.
- ³⁸ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1096, л. 56.
- ³⁹ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 25, л. 22–24.
- ⁴⁰ Там же, ф. 82, оп. 2, д. 149, л. 144–147.
- ⁴¹ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 25, л. 21, 27–29.
- ⁴² Там же, ф. 17, оп. 56, д. 1675, л. 53–57.
- ⁴³ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 57, л. 178–180.
- ⁴⁴ Там же, ф. 17, оп. 57, д. 1743, л. 46.
- ⁴⁵ Там же, оп. 58, д. 1797, л. 20–21, 30.
- ⁴⁶ И.П. Сафронов был выведен из состава бюро обкома «в связи с выездом из областной организации» 28 апреля 1958 г. (Там же, оп. 58, д. 1797, л. 52; д. 1798, л. 2–3).
- ⁴⁷ Там же, оп. 56, д. 1675, л. 302–304; оп. 58, д. 1795, л. 223–225.
- ⁴⁸ Там же, оп. 58, д. 1794, л. 60.
- ⁴⁹ Там же, оп. 88, д. 644, л. 23.
- ⁵⁰ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 110, л. 72–77.
- ⁵¹ Там же, л. 86–89.
- ⁵² Там же, л. 90.
- ⁵³ Там же, л. 91.
- ⁵⁴ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 гг. М., 2004. С. 283–318.
- ⁵⁵ РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 83, л. 101.
- ⁵⁶ Там же, л. 102; ф. 17, оп. 57, д. 2564, л. 27; оп. 58, д. 2649, л. 85–88.
- ⁵⁷ РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 25, л. 40–42.
- ⁵⁸ Там же, л. 35.
- ⁵⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 89, д. 7, л. 69, 70, 106.
- ⁶⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. М., 2003. С. 356–388, 1062.

-
- ⁶¹ Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей. С. 164–165.
- ⁶² Там же. С. 181, 194.
- ⁶³ РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 142, л. 17–18.
- ⁶⁴ Там же, л. 19.
- ⁶⁵ Там же, д. 58, л. 26–28.
- ⁶⁶ Там же, л. 33.
- ⁶⁷ Там же, л. 35.
- ⁶⁸ Там же, л. 32, 35.
- ⁶⁹ Там же, л. 28, 29.
- ⁷⁰ Сушков А.В. Руководители Свердловской областной организации ВЛКСМ-ЛКСМ РСФСР. 1934–1992. Екатеринбург, 2003. С. 12–13.
- ⁷¹ Сушков А.В., Разинков С.Л. руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б) – КПСС и председатели облисполкома. С. 46–47.
- ⁷² Семичастный В. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 103.
- ⁷³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 89, д. 7, л. 66.
- ⁷⁴ Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей. С. 194–195.